

«Мирообъемлющий гений» Пушкина

Бурцев А.А, Судзуки Д

Всеобъемлющий и универсальный феномен Пушкина может быть правильно понят и оценен только на фоне и в контексте мировой литературы.

Глубоко знаменательно, что само понятие «мировая литература» было впервые введено в широкий обиход еще при жизни А.С. Пушкина – в 1827 году – его великим современником И.В.Гете, а спустя сорок три года после его смерти Ф.М.Достоевский в своей известной речи высказал суждение о «всемирной отзывчивости» и «всечеловечности» пушкинского гения.

Проблема мирового значения Пушкина, его прочных, неразрывных связей с мировой литературой особенно актуальна в наше время, когда произошел окончательный перелом в восприятии его личности и наследия. Долгое время Пушкина рассматривали не как универсального всемирного, а сугубо национального поэта. Ему отводилось место всего лишь предшественника Достоевского и Толстого как фигур подлинно мирового масштаба. Однако работы русских ученых – М.П.Алексеева, Б.В.Томашевского, В.М.Жирмунского, Д.Д.Благого, Г.П.Макогоненко и других – показали, что творчество Пушкина – феномен как национальный, так и принадлежащий мировой культуре.

На Пушкина долгое время распространяли некий закон «непереводимости», считали его обреченным на заточение в рамках родного (русского) языка. Но и эта точка зрения оказалась несостоятельной, особенно после появления принадлежащего В.Набокову четырехтомного ритмизованно-прозаического перевода-переложения «Евгения Онегина», снабженного интереснейшим историко-филологическим комментарием.

Растущий в мире интерес к Пушкину объясняется, по-видимому, не только желанием прочувствовать русскую культуру и историю вообще, постичь

русскую ментальность в частности, а также стремлением лучше понять суть процессов, происходящих сегодня в России, органически обусловленных всем ходом развития мировой цивилизации. В этом отношении вспоминаются слова Достоевского о том, что Пушкин – явление «пророческое», возникшее «в самом начале правильного самосознания нашего» и что «появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом».

Действительно, в современную эпоху, в условиях крайнего дефицита позитивного начала, приходится прибегать к последним резервным источникам, одним из которых является классическая русская литература. Именно в этом смысле Пушкин воспринимается сегодня как фигура поистине «пророческая».

Творчество Пушкина выросло из русской действительности первой трети XIX века. Его стимулом и духовным фундаментом явилась эпоха 1812-1825 годов. Пафос пушкинской поэзии определили историческая победа русского народа в Отечественной войне, величие и трагизм поколения, выдвинувшего людей, которые в декабре 1825 года провозгласили идеи «свободы, равенства и братства».

Пушкин, по словам Белинского, создал энциклопедию русской действительности. Он воскресил русскую «седую старину» в своих сказках, восстановил основные этапы развития российского государства, как-то: историю народных движений и борьбу за власть в начале 17 века – в «Борисе Годунове», события петровской эпохи – в «Полтаве», пугачевское восстание – в «Капитанской дочке». И в то же время русский поэт, ни разу не побывавший за границей, вторгся в мировую историю: возродил коллизии и образы древнего Египта и средневековой Европы, оживил эпизоды и лики эпохи Возрождения, воссоздал духовную атмосферу Просвещения и "мировую скорбь" своих современников-романтиков, вдохнул новую живительную струю в мировые классические образы Клеопатры, Дон Жуана, Скупого рыцаря, Моцарта и Сальери.

Таким образом, русская литература в лице Пушкина выступала как наследница всего духовного богатства, накопленного человечеством. Творческое

освоение художественного многообразия античной, западных и восточных литератур и фольклора служило материалом и стимулировало его собственное самобытное творчество. Не случайно поэт называл себя «министром иностранных дел» на Парнасе русской литературы. Диапазон его культурных интересов был необычайно широк.

В творчестве Пушкина с его пафосом народности принципиальная роль принадлежала фольклорной стихии. В 1836 году он написал специальную статью «Песнь о полку Игореве», в которой прокомментировал отдельные сложные места «Слова» и попутно продемонстрировал блестящее знание не только старославянского языка, но и сербского, болгарского, илирийского, словенского и других наречий.

Признавая наличие у каждого народа «особенной физиономии», Пушкин никогда не ограничивал проблему народности узкими национальными рамками, а напротив, стремился в национальной форме воплотить широкое общечеловеческое содержание. В круг его фольклорных интересов входили не только русские народные сказки, былины и песни, но и памятники устного творчества других народов - молдавские, сербские, татарские, цыганские песни, шотландские и литовские баллады, немецкие сказки.

Подобно Гердеру, Пушкин считал народные песни и сказки образцом подлинной народности. Наши отечественные ученые-фольклористы показали связь пушкинских сказок с инонациональными источниками: «Золотого петушка» – с «Легендой об арабском звездочете» В.Ирвинга, «Сказки о рыбаке и рыбке», «Жениха» – со сказками братьев Grimm. Но эти международные сказочные сюжеты оказались наполненными конкретным содержанием русской исторической и социально-бытовой действительности.

Пушкин принадлежал к редчайшим знатокам всемирной истории и литературы. Наследие античности представлено в его поэзии подражаниями и переводами из Анакреонта, Сапфо, Катулла, Горация. Но это были не собственно «подражания древним», а свободные творческие отклики на впечатления античной поэзии, не лишённые сопоставлений с собственной

судьбой и мыслями, как в послании «К Овидию», где появлялись мотивы «ссылки», «заточенья», «пустыни мрачной», и тем более в знаменитом «Памятнике», который, как и стихотворение Державина, восходил к общему первоисточнику – оде Горация.

Особого комментария заслуживает восприятие Пушкиным Гомера. Болдинской осенью 1830 года он набросал гекзаметром довольно острую эпиграмму на перевод «Илиады» Н.И.Гнедичем:

*Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образом схож и его перевод.*

Пушкину, не знавшему греческого языка, интуитивно претила напыщенность русского перевода, высокопарность языка, обилие славянизмов. Но через месяц он вернулся к переводу «Илиады» и по достоинству оценил труд своего самолюбивого собрата по перу. Причем сохранились варианты, которые свидетельствовали о том, что Пушкин не сразу нашел удовлетворившую его поэтическую формулу отношения к великому аэду:

Чужд мне был Гомеров язык сладкозвучный...

Чужд мне был Гомеров язык сладчайший...

Чужд мне был Гомеров язык свободный...

Наконец, следующий вариант приобрел достойную предмета чеканную поэтическую форму:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;

Старца великого тень чую смущенной душой.

Той же осенью Пушкин написал гекзаметром несколько своих стихотворений («Отрок», «Рифма»).

Средневековье и Возрождение нашли отражение в целом ряде произведений великого поэта, в том числе трагедиях «Скупой рыцарь» и «Каменный гость», испанских балладах «Ночной зефир» и «Родрик». Вообще его концепция средневековой культуры отличалась своей взвешенностью и полнотой: Пушкин выделил лирику куртуазных поэтов - трубадуров, которые, по его словам, «играли рифмой», жанры народной поэзии – лэ, романсы, фабльо,

религиозную драму – мистерию.

Той же болдинской осенью, в октябре 1830 года, Пушкин начал стихотворение, которое до сих пор остается загадкой для исследователей. Оборванное на семнадцатой строфе – терцине, позднее оно было опубликовано В.А.Жуковским под названием «Подражание Данту». Исследователи расходятся во мнениях: то ли Пушкин задумал поэму о Данте, авторе «Божественной комедии», то ли историческое повествование об итальянском Проторенессансе, то ли автобиографическую повесть. «Подражание Данту» включает в себя своеобразный очерк развития жанра сонета в эпоху Возрождения:

*Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камознс облекал.*

Через два года появилось еще одно написанное терцинами стихотворение в духе Данте, в котором присутствовала реминисценция из «Ада»: «И дале мы пошли – и страх объял меня...»

Особое значение для Пушкина имело творчество Шекспира. В период поражения декабристов, совпавший с работой над «Борисом Годуновым», Пушкин задумывается над вопросом о роли личности и народа в истории. Подобно Шекспиру, он пишет драматическую хронику, изображающую «смутное время» и сложные, многогранные характеры. Пушкину был близок стихийный историзм автора «Ричарда Ш» и «Генриха 1У», его своеобразный «шекспиризм» проявился в народных сценах и самой концепции народа, который «безмолвствует», но составляет грозную оппозицию самодержцам.

Еще одна эпоха в истории мировой литературы, привлекавшая внимание русского поэта, – классицизм 17 века. Его реализм прошел через классицистическую закалку и приобрел простоту, ясность, гармоничность стиля. Пушкин едва ли не наизусть знал творения Мольера, в том числе комедию «Дон Жуан», в которой находил «удивительное шекспировское разнообразие». В его собственном «Каменном госте» много личного, и не случайно он при жизни

отказывался печатать эту маленькую трагедию. А.Ахматова обратила внимание на то, что исторический Дон Жуан – известный испанский гранд, его знал сам король, к тому же он был ссыльным поэтом. Финальная сцена Дон Гуана и Анны в пушкинской трагедии имеет много общего с переживаниями самого поэта накануне его помолвки с Натальей Гончаровой.

Немаловажное значение для поэтического развития Пушкина имели просветители 18 века, у которых он во многом унаследовал черты критического свободолобия, широту и блеск ума. Эти качества были присущи в первую очередь Вольтеру, которого Пушкин назвал «великаном сей эпохи», «идолом Европы, первым писателем своего века, предводителем умов и современного мнения», а его «Орлеанскую девственницу» определил как «золотую книгу» и «катехизис остроумия».

В поле зрения Пушкина не мог не оказаться Гете, хотя, по мнению В.М.Жирмунского, немецкий философский идеализм и немецкая философствующая поэзия были чужды Пушкину и поэтам его круга. В составе его библиотеки не оказалось сочинений немецкого поэта, тем не менее ему были известны по французским и русским переводам «Фауст», «Вертер» и «Гец фон Берлихинген». Именно эти произведения Гете упоминаются в пушкинских статьях и критических заметках.

Принципиальное значение Пушкин придавал трагедии «Фауст». «Это последнее слово немецкой литературы,- писал он,- это особый мир, как «Божественная комедия»; это в изящной форме альфа и омега человеческой мысли со времен христианства». Подтверждением этих суждений явилась «Сцена из Фауста», в которой, однако, Пушкин предлагает оригинальную трактовку классической ситуации и выдвигает на первый план скептическую «вольтерианскую» фигуру Мефистофеля. Существует версия о том, что Гете была известна эта интерпретация его трагедии и что он однажды послал Пушкину в подарок через одного русского путешественника собственное перо и просил передать ему поклон.

Особенно пристально Пушкин следил за своими современниками-

романтиками. В статье о «молодом проказнике» Мюссе он упоминает также «сладкозвучного, но однообразного Ламартина», «важного В.Гюго» с его «блестящими, хотя и натянутыми «Восточными стихотворениями».

Определённый интерес проявил Пушкин и к польской литературе. Познакомившись с незаконченным готическим романом загадочного польского романтика Я.Потоцкого «Рукопись найденная в Сарагосе», он, отметив мастерство автора в изображении испанских нравов, начал создавать стихотворную версию этого произведения: «Альфонс садится на коня...».

А с гением польской литературы А.Мицкевичем Пушкин лично познакомился, когда тот в 1826 году приехал в Москву. Позднее польский поэт писал своему другу о Пушкине: «Я знаком с ним, и мы часто встречаемся. Пушкин почти одного со мной возраста (на два месяца моложе), в разговоре очень остроумен и увлекателен; он много и хорошо читал, знает новейшую литературу; его понятия о поэзии чисты и возвышенны».

Мицкевич подарил Пушкину книгу Байрона с надписью на польском языке: «Байрона Пушкину посвящает поклонник обоих А.Мицкевич». Пушкин преподнес в дар польскому поэту свою поэму «Полтава», а в 1828 году перевел на русский язык отрывок из поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод». Имя «Мицкевича вдохновенного» встречается на страницах «Евгения Онегина».

Но позиция Пушкина в связи с польским восстанием 1831 года и попыткой европейского вмешательства в русско-польские дела, нашедшая отражение в стихотворении «Клеветникам России», не могла не наложить отпечатка на их взаимоотношения. Однако, когда в 1837 году Пушкина не стало, Мицкевич оценил его гибель как национальную трагедию, постигшую Россию. Он откликнулся на смерть русского поэта проникновенным некрологом. «Пуля, поразившая Пушкина,- писал Мицкевич,- нанесла интеллектуальной России ужасный удар. Никто не заменит Пушкина. Ни одной стране не дано, чтобы в ней больше, чем один раз, мог появиться человек, сочетающий в себе столь выдающиеся и столь разнообразные способности».

Как романист, автор «Дубровского» и «Капитанской дочки», Пушкин не мог не обратить свой взор на В.Скотта, давшего, по словам Белинского, «историческое и социальное направление новейшему европейскому искусству». В романах В.Скотта, прежде всего в «Уэверли», «Роб Рое», «Пуританах», Пушкин обнаружил глубокое понимание движущих сил исторического процесса, широких народных движений, борьбы классов и партий. Не случайно он сравнивал его с Шекспиром. У «шотландского чародея» русский поэт воспринял метод тщательной документации исторических событий. Работая над «Капитанской дочкой», Пушкин не только собирал архивные материалы и изучал письменные источники, но и совершил поездку на место действия, а также использовал известия о Пугачеве в живых народных воспоминаниях.

Самостоятельной научной проблемой, интересовавшей большинство специалистов по творчеству А.С.Пушкина, стало восприятие им Байрона. Наиболее детально эту проблему исследовал В.М.Жирмунский. По его мнению, дело чаще всего сводилось к констатации влияния личности Байрона как вождя европейского либерализма на Пушкина. Между тем гораздо важнее обратить внимание на художественное воздействие поэзии Байрона на творчество русского поэта.

Первым свидетельством влияния Байрона является пушкинское стихотворение «Погасло дневное светило» (1820), лирический герой которого, молодой изгнанник, уподобляет себя Чайльд-Гарольду. Гораздо более существенным было воздействие на Пушкина «Восточных поэм» Байрона. В пушкинских «южных поэмах» – «Кавказском пленнике», «Братьях-разбойниках», «Бахчисарайском фонтане», «Цыганах» - едва ли не впервые в отечественной литературе была поставлена тема столкновения личности и общества. Пушкин создал образ русского «байронического» героя, «москвича в гарольдовом плаще», носителя «мировой скорби». Но в его «южных поэмах» традиционный конфликт между индивидуалистической личностью и обществом получает новую интерпретацию: байронический герой терпит крах при столкновении с действительностью.

Традиции Байрона имели актуальность для Пушкина, когда он работал над романом в стихах «Евгений Онегин». Первоначально его замысел состоял в том, чтобы по образцу байроновского «Дон-Жуана» создать сатирическую поэму. Но окончательный вариант «Евгения Онегина» с широким контекстом русской жизни не имеет точек соприкосновения со знаменитым произведением английского поэта, который в форме авантюрного повествования со странствующим героем развернул сатирическое обозрение нравов современной Европы. В произведении Пушкина происходит развенчание байронического героя: разочарованный «лишний» человек, своим критическим отношением к действительности выделяющийся на фоне окружающей его среды, в то же время разоблачается в своем индивидуализме и нравственной опустошенности. Окончательное прощание Пушкина с «властителем дум» его молодости происходит в год гибели Байрона в «Послании к морю» (1824).

Таким образом, Пушкин прошел через романтизм и был многим ему обязан. Кроме В.Скотта, Мицкевича и Байрона, он высоко ценил Гофмана. Ему был близок реалистический гротеск немецкого писателя, новаторски использованный в «Пиковой даме».

Пушкина привлекал поэтический универсализм романтиков, их интерес к личности как психологическому объекту, обращение к национальному прошлому, живое проникновение в источники народного творчества. Вместе с тем ему были чужды романтический субъективизм, мистицизм, созерцательное отношение к жизни, претензии на художественную исключительность. Для великого поэта не могло иметь первостепенного значения разочарование романтиков в «царстве разума». Русский национальный опыт, борьба с деспотизмом и крепостничеством, как актуальнейшая идейно-политическая задача, не позволяли ему отдалиться этому умонастроению. В творчестве Пушкина просветитель и реалист брали верх над романтиком, восприняв в то же время уроки западноевропейского и русского романтизма.

Так складывался новаторский творческий метод Пушкина, для которого характерно, с одной стороны, изображение жизни в ее повседневном

самодвижении и типических характеров в их саморазвитии, что было присуще классическому реализму 19 века, а с другой стороны – ренессансная полнота существования и исторический оптимизм реализма эпохи Просвещения.

В результате самобытное творчество Пушкина, впитав в себя опыт мировой литературы, стало началом и фундаментом новой русской литературы. Именно Пушкин открыл миру мощь, силу и оригинальность русской литературы, хотя за рубежом давно интересовались Россией. Уже в произведениях Шекспира комментаторы насчитали более десятка русских реминисценций. В 17 веке испанский драматург Кальдерон в своей драме «Жизнь есть сон» отразил сложные исторические и политические коллизии, происходившие в «Полонии» и «Московии». В 18 веке английский писатель Дефо отправил в Сибирь своего Робинзона Крузо. Но лишь в начале 19 века, в пушкинскую эпоху, Россия прочно вошла в духовный мир западных писателей. В 1812 году в русском походе Наполеона принял участие молодой Стендаль, будущий автор романа «Красное и черное». Будучи в должности интенданта, он не имел возможности порвать свой мундир о русские штыки, но оказался потрясенным очевидцем Бородинской битвы, пожара Москвы и французского отступления.

Поклонником Пушкина и пропагандистом его произведений во Франции был П.Мериме. Чтобы читать Пушкина в подлиннике, он выучил русский язык, который дался ему не без труда. Дело не только в том, что Мериме перевел «Пиковую даму» и ряд других пушкинских произведений на французский язык, и даже не в том, что его новелла «Кармен» написана под заметным влиянием поэмы «Цыганы», а в том, что присущие его повествовательной манере лаконизм, чеканность стиля, строгая дисциплина сюжетосложения напоминают прозу Пушкина.

Прекрасно был осведомлен в русских делах, в частности в опыте Отечественной войны 1812 года, В.Скотт. Великий живописец массовых народных движений, он был увлечен партизанской войной русского крестьянства, лично познакомился с атаманом Платовым, переписывался с Д.Давыдовым. Об этом заочном знакомстве и переписке русского поэта-

партизана с шотландским романистом было известно Пушкину.

Но Александр Сергеевич «прорубил окно» не только на Запад. В течение всей своей жизни Пушкин проявлял интерес к Востоку – Турции, Персии, арабской и древнееврейской культуре. Особенно привлекал поэта Китай, и в 1830 году он даже выразил намерение присоединиться к посольству, отправлявшемуся в эту восточную страну. Но на его соответствующее прошение, адресованное Бенкендорфу, был получен отрицательный ответ со ссылкой на императора. Почти одновременно с просьбой о заграничном путешествии Пушкин написал стихотворение «Поедем, я готов». Оно было обращено к «друзьям», в частности, к известному синологу отцу Иакинфу Бичурину.

В произведениях Пушкина упоминаются имена древних восточных поэтов Хафиза и Саади. Стихотворение последнего «Завещание» так же, как и оду Горация, Пушкин имел в виду при создании своего «Памятника». Ориентальные мотивы присутствуют в поэме «Руслан и Людмила»: это и «младой хазарский хан Ратмир», и «царь Соломон», и «Шехерезада» из «1001 ночи». В «Капитанской дочке» действуют башкиры, киргизы, калмыки, татары, в романе много заимствованных слов из тюркских языков (амбар, буран, кабак, кафтан, кибитка, тулуп, ямщик).

Крупнейшей попыткой обращения Пушкина к ориентальной тематике следует признать «Бахчисарайский фонтан» с его этнографическим колоритом мусульманского Востока. В дальнейшем ориентализм Пушкина получил подтверждение в подражаниях Корану и Библии. В них нет увлечения внешней экзотикой Востока, поэт далеко отходит от оригинала и вкладывает в свои стихи новый смысл, отсутствующий в подлиннике. Так, например, в первом подражании Корану появляются автобиографические упоминания о «гонении», «могучей власти языка над умами» людей. В свою очередь эти темы, а также мотивы «пустыни», «жажды» получают развитие в стихотворении «Пророк».

Особенно поражал и привлекал Пушкина библейский Моисей, которого поэт находил замечательным героем для поэмы. К.Брюллов подарил ему эстамп,

изображающий «Моисея» Микеланджело, он же очень хотел видеть саму статую. Подчеркнутым пиететом окружена и личность Мухаммеда, которого Пушкин воспринимал как поэта и пророка.

Итак, творчество Пушкина включает всемирно-исторический опыт и является грандиозным синтезом всего предшествовавшего ему мирового культурного развития.

В то же время современные литературоведы, повторяя слова Белинского о Пушкине как о «мирообъемлющем гении», порой не всегда глубоко раскрывают его роль и значение для русской литературы. Между тем еще Гоголь констатировал, что Пушкин – «чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», и в нем отразились «русская природа, русская душа, русский язык, русский характер». Ту же мысль предельно лаконично выразил А. Григорьев: «Пушкин – наше все».

Если историческое и реалистическое направление западноевропейской литературе придал В. Скотт, то в русской литературе именно историзм Пушкина, заключавшийся в стремлении познать и отразить жизнь народа в ее движении, увидеть в настоящем результат предшествующего исторического развития, явился главным завоеванием его реализма, получившим воплощение прежде всего в «Борисе Годунове» и «Евгении Онегине».

Пушкин, вслед за Н. Карамзиным, задумывался над проблемой национального характера и подходил к ней исторически. Он понимал народность не в этнографическом плане, не через внешнее описание нравов народа, а как отражение исторически сложившихся индивидуальных особенностей народа. Дело не в именах и в одежде, а в образе мыслей, складе души и психологии русского человека.

Пушкинская характерология фактически предвосхитила типологию художественных образов всей последующей русской литературы: от «байронического» героя в «южных» поэмах до «маленького» человека из «Повестей Белкина», от «лишнего» человека до «мощного властелина судьбы» в «Медном всаднике». При этом Пушкин первым в русской литературе в своих

«маленьких трагедиях» и повести «Пиковая дама» обратился к проблеме раздвоенности и «расщепления личности», к диалектике сознательного и подсознательного в человеческой психологии. Вслед за ним Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой раскрыли «бездны» и «тайны» духа.

В своем творчестве Пушкин продемонстрировал универсальную и в то же время новаторскую жанровую систему. Он не просто творил в разных формах, доказав, что вольтеровский девиз «все жанры хороши, кроме скучных» сохранил для него свою актуальность, но во всех из них создал классические образцы. В частности, его поэзия вместе с лирикой Лермонтова представляет собой вершинное явление, «золотой век» русского поэтического искусства. В «Борисе Годунове» и «маленьких трагедиях» Пушкин создает свою оригинальную драматургическую концепцию, отмеченную отходом от традиционной – классической и романтической – театральности.

Новое слово Пушкин сказал и своими прозаическими произведениями. Переход к прозе намечается у него с 1827 года, когда один за другим появляются «Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «Дубровский», «Пиковая дама», «Кирджали», «Египетские ночи», «Капитанская дочка». Решительно выступая против современной ему прозы с ее стереотипными образами, литературными штампами и вычурностью, Пушкин предлагает собратьям по перу учиться на памятниках народного творчества. «В зрелой словесности приходит время,- писал он в статье «О поэтическом слоге»,- когда умы, наскуча однообразными произведениями, обращаются к свежим вымыслам народным и к старинному просторечию, сначала презренному». В черновом наброске другой статьи Пушкин заметил, что «точность и краткость – вот первые достоинства прозы», и добавил: «она требует мыслей и мыслей».

Именно в прозаических произведениях окончательно оформился пушкинский стиль, основными приметам которого единодушно признаются гармония, ясность и простота. Не случайно творчество Пушкина называют концентрированной «солью», растворившейся потом в Гоголе, Тургеневе, Тютчеве, Достоевском, Толстом, Чехове.

Таким образом, Пушкину, по словам Тургенева, «одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу».

Еще одна несомненная заслуга пушкинского гения – это благотворное влияние на литературы народов России. С первой же «южной» поэмой Пушкина произошло, так сказать, освоение Кавказа, и вся русская литература стала «кавказской пленницей». Пушкин имел отношение и к сибирской «одиссее» русской литературы. Ему были известны баллада А.Бестужева «Саатырь» и стихотворение другого ссыльного декабриста Н.Чижова «Нуча», а в его «Памятнике» фигурирует, наряду с «гордым внуком славян», «финном» и «другом степей калмыком», «ныне дикой тунгус».

Известно, что Пушкин питал к Сибири, в том числе и к Якутии, не только чисто художественный, но и научный интерес. В его библиотеке были представлены «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала и особливо от покорения его Российской державе и по сии времена» историка Г.Ф.Миллера, «Поездка в Якутск» (1833) сибирского писателя Н.С.Щукина.

Особое внимание Пушкин обратил на труд русского путешественника и исследователя С.П.Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1755). В пушкинском архиве сохранились план и набросок статьи, а также «Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С.П.Крашенинникова», датированные 20 января 1837 года. В них упоминаются якуты, коряки, тунгусы, чукчи, юкагиры, Якутск, Охотск, Лена, Колыма, Анадырь, Индигирка, Владимир Атласов, Семен Дежнев, Петр Чirikов и другие имена и топонимы. Эти сведения и материалы дают основание предполагать, что у Пушкина в последние годы жизни возникли какие-то творческие, возможно и художественные планы, связанные с Сибирью.

Можно также предположить, что известность Пушкина «во глубине сибирских руд», в том числе и в Якутии, началась еще при его жизни. Первый же специальный отклик на пушкинское наследие со стороны якутских писателей принадлежал, скорее всего, А.Кулаковскому, который еще в 1896 году написал

реферат «Главнейшие достоинства поэзии Пушкина». К их числу двадцатилетний выпускник реального училища отнес прежде всего национальный характер пушкинской поэзии. «Величайший поэт русской литературы» обладал, по его словам, «изумительной способностью понимать дух, положение, быт своей нации». Народность Пушкина в его глазах заключалась «преимущественно в языке, в котором выразились главные свойства русского ума и чувства». Сам Кулаковский тоже сумел в своих произведениях передать своеобразие национального характера, особенности духовной культуры якутского народа. Другими достоинствами Пушкина он признал историзм и реализм его творчества, умение «переноситься в какую угодно эпоху», создавать сложные, многогранные образы, а также широту жанровой системы, «свободу и разнообразие поэтической формы».

Страстным приверженцем и пропагандистом русской литературы был А.Софронов. Известно, что после окончания церковно-приходской школы будущий поэт самостоятельно под руководством старшего брата В.И.Софронова прошел курс реального училища, интенсивно изучал русский язык, читал русских классиков, в том числе Пушкина. Впоследствии А.Софронов перевёл на якутский язык повесть «Капитанская дочка».

Еще один из зачинателей якутской литературы Н.Неустроев рано осознал, что приобщиться к культуре и образованию можно через русский язык, и поставил перед собой задачу овладеть как устной, так и письменной его формой. Способом реализации собственной программы он избрал чтение, и в 1914 году в письме к своему наставнику Н.А.Рубакину сообщил следующее: «Прочел главные произведения русских классиков... Пушкина, Лермонтова и Гоголя». Особый пиетет Н.Неустроев питал к Пушкину, который в его личной библиотеке, согласно ее каталогу, был представлен полным собранием сочинений. Он выразил солидарность с А.Кулаковским в том, что собственное творчество нужно начинать с переводов из русской литературы, и в 1926 году осуществил прозаический перевод трагедии «Борис Годунов». Свою публикацию в журнале «Чолбон» Н.Неустроев снабдил небольшим предисловием, в котором назвал

Пушкина «основоположником новой русской литературы» и добавил, что он «будет жить вечно, пока существует русская литература, его заветы, его творения будут освещать дорогу новым писателям». А в 1927 году у себя на родине, в с.Олба Таттинского улуса Н.Неустроев организовал пушкинский вечер. В его архиве, сосредоточенном в ИГИ АН РС (Я), сохранилась рукописная программа мероприятия, приуроченного к 90-летию со дня кончины поэта. Она включала сообщение о жизни и творчестве Пушкина, о значении юбилейной даты. Художественная часть вечера состояла из сцены из «Бориса Годунова», хорового пения и декламации пушкинских стихотворений. Тогда же, весной 1927 года, М.К.Аммосов в газете «Автономная Якутия» опубликовал передовую статью под названием «О Пушкине, о якутском улусе и о культурном подъеме». Начав с самокритичного заявления о том, что «в вихре современной напряженной жизни, с ее стремительным темпом, мы не в силах уделить внимание культурным празднествам», М.К.Аммосов далее с удовлетворением констатировал: «...где-то в далеком уголке якутского улуса – в Олбе – Пушкинская годовщина была достойно отпразднована. Да как еще! Годовщину праздновал не какой-либо узкий кружок учащихся, и даже не целая школа, а празднование превратилось в общенародное торжество. Шутка ли, на пушкинском вечере собрать триста человек, мужчин и женщин, старых и малых – в якутских условиях!»

Спустя еще десять лет два выдающихся представителя народа саха сказали свое слово о Пушкине. Сначала известный историк и этнолог Г.В.Ксенофонтов написал целое исследование о поэме «Медный всадник». Обращает на себя внимание основательная подготовительная работа, проведенная якутским ученым, изучившим все тогда новые критические источники, включая труды В.Жирмунского, Б.Мейлаха, П.Щеголева. Ксенофонтов аргументированно полемизировал с самим Белинским и доказывал, что «Медный всадник» – отнюдь не апология Петра I. Правда, его трактовка произведения носила в духе того времени излишне социологизированный характер и строилась на «декабризированной» версии пушкинской поэмы. Об этом свидетельствуют

названия статьи Ксенофонта: предварительное – «Буревестник великой русской революции» и окончательное – «Медный всадник революции (О символах поэмы А.С.Пушкина «Медный всадник»)». Но сам факт обращения якутского ученого к пушкинскому наследию, его научная смелость и эрудиция заслуживают всяческого уважения.

В феврале 1937 года П.А.Ойунский, председатель Союза писателей Якутии, сделал доклад «Значение столетнего юбилея со дня смерти А.С.Пушкина и наши задачи» на торжественном юбилейном собрании. Основной пафос его выступления заключался в необходимости овладения « всем культурным наследством прошлых эпох, великими творениями гениев человечества», к числу которых были отнесены Шекспир и Пушкин, Гете и Байрон, Толстой и Горький, Роллан и Барбюс. П.Ойунский не ограничивался сугубо профессиональным пониманием значения классического наследия только как школы мастерства для молодых якутских писателей. Опыт и воздействие великих предшественников нужны, как он полагал, для воспитания собственных мастеров слова, развития их художественного мышления и творческих сил. П.Ойунский с восхищением говорил о многогранности пушкинского дарования. По его словам, Пушкин был «создателем русского литературного языка и родоначальником новой русской литературы». Он также обратил внимание на принципиальную роль устной народной поэзии для пушкинского творчества. Сам П.Ойунский воспринимал и интерпретировал якутский героический эпос олонхо на уровне лучших эпических памятников народов мира, постоянно соотносил эпические песни якутов о богатырях с поэмами Гомера, Фирдоуси, Руставели и тем самым впервые ввел олонхо в мировой культурный контекст.

Что касается Пушкина, то он давно и прочно вошел в культурное сознание народов Республики Саха (Якутия). Его произведения – повесть «Дубровский», сказки, стихотворения – переведены на эвенский и эвенкийский языки. На якутском языке известны более ста пушкинских произведений. Их, кроме П.Ойунского, Н.Неустроева, А.Софронова, переводили еще более тридцати поэтов (Элляй, И.Чагылган, А.Абагинский, И.Арбита, К.Урастыров,

Н.Заболоцкий, В.Чиряев, М.Тимофеев и другие). Среди них особое место принадлежит Г.И.Макарову (Джуон Джангылы), осуществившему замечательный перевод «Евгения Онегина». Народный поэт Якутии Семен Данилов, не только переводчик, но и автор нескольких посвященных Пушкину стихотворений, имел полное основание воскликнуть: «Бессмертный Пушкин! Слог могучий твой на языке якутском полнозвучен!..»

Пушкин относится к тем немногим мастерам слова, чей личностный и художественный статус проясняется в «большом» историческом времени и масштабе. Дело не только в том, что его произведения звучат сегодня на родине и в мире на «всяком существе языке». Великий поэт, воздвигший себе «памятник нерукотворный», был озабочен самыми коренными, сущностными проблемами эпохи и судьбами всего «подлунного мира».

Вообще Пушкин чаще всего воспринимается только как поэт, и мало кто видит в нем мыслителя. Между тем еще Ф.Достоевский заметил, что в его произведениях «засияли идеи всемирные», а Д.Мережковский считал, что даже лучшие произведения Пушкина «не дают полной меры его сил», что он был «выше своих созданий».

Естественно, Пушкин, как сын своей эпохи и представитель своего поколения, испытал влияние идей времени. Тогда вся Европа бредила свободой, равенством и революцией. Ода «Вольность», послание «К Чаадаеву», симпатия к А.Шенье и Д.Г.Байрону свидетельствовали о настроениях раннего Пушкина. Но вряд ли целесообразно преувеличивать его, так сказать, вольтерянство и «декабризм». Уже к середине 20-х годов Пушкин преодолевает дух безверия и напускного кощунства. О кумире своей молодости Вольтере он писал: «Циник поседелый, умов и моды вождь пронирыливый и смелый...» («К Вельможе», 1829). А о глубоком христианско-религиозном настроении Пушкина свидетельствовал его близкий друг князь Вяземский: «В последние годы жизни своей он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их». Причем для религиозности Пушкина было чуждо все показное и крикливое, все

назойливое и чрезмерное. Уместно в связи с этим вспомнить потрясающее по своему величию духовное просветление поэта на смертном одре и его христианскую кончину. По свидетельству того же князя Вяземского, когда друг и секундант поэта Данзас, считая себя обязанным узнать, в каких чувствах умирает он к Дантесу, спросил его: не поручит ли он ему чего-нибудь в случае своей кончины относительно Дантеса, то получил недвусмысленный ответ. «Требую,- сказал Пушкин,- чтобы ты не мстил за мою смерть: прощаю ему и хочу умереть христианином». О религиозности Пушкина говорили и писали представители русской философской критики Д.Мережковский, С.Булгаков, С.Франк, М.Гершензон.

Глубоко прогрессивной и принципиальной представляется позиция Пушкина в национальном вопросе. Автор «Кавказского пленника» и «Памятника» воспринимал Россию как единое многонациональное государство («слух обо мне пройдет по всей Руси великой»), в котором не было «иностранцев», а были российские народы («языки»).

Пушкину были присущи национально-патриотические умонастроения. Как известно, автор «Истории села Горюхина» и «Истории Пугачева» был незаурядным историком. В его личной библиотеке труды по истории занимали едва ли не первое место и по числу томов даже превосходили отдел иностранной литературы. Пушкинская философия истории была основана на идее преемственности и уважения к историческому прошлому, на любви «к родному пепелищу» и «к отеческим гробам».

Вполне определенной точки зрения Пушкин придерживался относительно войны и насилия. Злободневно и волнующе воспринимаются в наши дни его мысли из черновых записей 1821 года о разоружении будущего человечества, ликвидации войн и установлении «вечного мира». Эти гуманистические идеи были облечены и в поэтические строки:

Когда народы, распри позабыв,

В великую семью соединятся...

Что касается отношения Пушкина к революции, то достаточно вспомнить

стихотворение «Андрей Шень» (1825), раскрывающее ее природу и разрушительный смысл, а также мысль, возникшую у него после изучения истории Пугачевского бунта: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Можно также сослаться на конфиденциальные признания поэта своим близким друзьям: А.Дельвигу – в письме от февраля 1826 г. («никогда не проповедовал ни возмущений, ни революции...»); князю П.Вяземскому – в письме от июня 1826 г. («бунт и революция мне никогда не нравились...»). Таким образом, зрелый Пушкин придерживался принципа мирной непрерывности и эволюции в политическом и культурном развитии.

Еще в одном принципиальном вопросе – отношениях России и Европы – Пушкин имел свою позицию. Она заключалась в поисках «правильного» или «среднего пути»: в дискуссии с последовательным западником П.Чаадаевым он утверждал самоценность русской культуры, в противовес славянофильским идеям защищал западные ценности и доказывал их необходимость для России. Но при всей своей восприимчивости по отношению к западной культуре Пушкин был свободен как от слепого «европоцентризма», так и от доморощенного «почвенничества».

Итак, взвешенные, диалектические взгляды Пушкина на фундаментальные проблемы времени характеризуют его как подлинно масштабную, эпохальную фигуру и тем самым окончательно подтверждают мысли Ф.Достоевского о «всемирности» и «всечеловечности» его гения.

Литература

1. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1813-1826). М.-Л., 1950.
2. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830). М., 1967.
3. Гальцева Р., Роднянская И. В подлунном мире // Новый мир. 1987. № 1.
4. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л., 1924.
5. Кушаков А.В. Пушкин и Польша. Тула, 1990.
6. Любикова Н.М. Пушкин и Восток. М., 1974.
7. Мамонов А.М. Пушкин в Японии. М., 1984.
8. Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха. М., 1958.
9. Нусинов И.М. Пушкин и мировая литература. М., 1941.
10. Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л., 1926.
11. Пушкин в русской философской критике: Конец 19 – первая половина 20 вв. М., 1990.
12. Пушкин в странах зарубежного Востока: Сб. статей. М., 1979.
13. Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М., 1991.
14. Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л., 1960.
15. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969.
16. Тынянов Ю.Н. Пушкин М., 1983.